

Пограничное состояние

Станиславу Минакову

Мы посмотрим ещё, чья бумага
дольше вытерпит, позже сгорит.
Я сбегу из-под вашего флага.
Соскочу с безнадёжных орбит.

Так и брызжет слюной с никотином,
издавая хронический рык,
власть фригидная с «гэ» фрикативным.
Так и вырвет мой грешный язык.

В огороде пасутся дебилы,
дядьки в Киеве сходят с ума:
«Убирайся в свои Фермопилы!
Заскучала твоя Колыма...»

И грозят из динамика в спину,
что моей здесь не будет ноги.
Так и ждут, что копыта откину, —
и припишут чужие долги.

Это мы проходили: в два счёта
приучали себя к нищете,
а спартанцы по кругу почёта
возвращались домой на щите.

К Фермопилам давай, к терриконам,
где копьё до звезды достаёт,
где препятствовать волчьим законам
соберётся не больше трёх рот —

дармоедов встречать, мародёров
(для прикрытия — отчества дым),
где подпишутся триста шахтёров
за меня. А тогда — поглядим.

1997, 2000

Никто

«Ветер в спину, — шепчет Навсикая. —
Кто ещё возьмет тебя живьём?»
Ни во что особо не вникая,
проводница возится с углём.

Кто ты? С кем ты? Вечная дилемма.
Окупись в вагонный полумрак.
Даже с точки зренья Полифема,
ты Никто. И звать тебя никак.

Золотую рыбку-SMS-ку
в телефонной выловишь сети.
Что там замышляется в отместку, —
мудрая Паллада, просвети.

Кроме полифема, семафора,
что ещё осталось за спиной?
Жалкая промышленная флора
с неопровержимой рыжиной.

Не судьба вернуться без инверсий:
преисподний высится вокзал.
Всё, что насоветовал Тиресий...
Всё, что пьяный доктор прописал...

Отзвуки троянского замеса.
Город в злопахательном дыму.
Здесь никто не смыслит ни Гермеса —
время отдуваться одному.

Забывай поверженную Троию.
Узнавай отверженный квартал.
Утренний трамвай до Станкостроя
гулко, как хорей, прогрохотал.

Как теперь встречают на Итаке?
Хмурая хозяйка у плиты.
Голос ошарашенной собаки:
«Ты Никто?! Конечно, это ты!»

2008

Ориентиры

*Хорошо бы бутылку купить...
Неизв. авт.*

Эдем — в крапиве и хвоще.
Его просроченная ксива
имеет силу вообще
не дальше дачного массива.
Вчера превышенный лимит —
с похмельной памятью наутро...

какая птица долетит
до середины Брахмапутры?..

с какою шавкой твой кобель
знал плодотворные минуты?..
как долго длится канитель?..
и сколько должен и кому ты —

стоять во дворике пустом
и узнавать нетрезвым взором:
...ограда с прустовским кустом,
...сосед за фростовским забором?..

Да не сотрётся этот вид —
не умирать, застыть на месте!..
Тебя, собака, не штормит.
Женись, собака, на невесте.

Собака, мы с тобой почти
что одинаковые твари...
Кто скажет, где мои очки, —
я буду вечно благодарен!

А жизнь — с крапивного листа
давай начнём с тобой, собака.
(Бутылка подлая пуста...)
Не понимай меня двояко!

Пусть ухмыляется в саду
бессодержательное нечто.
Сейчас я резкость наведу —
и стану счастлив
бесконечно...

Трубный завод

Разливы технических вод.
Напутственный пар теплотрассы.
Стоял себе трубный завод.
На практику шли лоботрясы.
Стоял, как последний редут.
Злорадствовал голос из хора,
что варвары скоро придут —
и трудно представить, как скоро!
С провинции спрос невелик.
Теперь и не вспомнится толком,
когда этот трубный возник
в степи за шахтёрским посёлком.
Казалось, он выдержит всех.
Подробности давят на жалость.
В громадный формовочный цех
подшефная школа вмещалась.

Пригодный для выпуска труб
железобетонных конструкций,
пейзаж убедительно груб —
другие детали сотрутся...
И где протекает Коцит,
и что нам проблемы Гекубы, —
донецкая степь насвистит
в железобетонные трубы.

На этом имперском ветру,
когда разлетаются карты,
сидят и играют в буру,
к трубе прислонясь, практиканты.
Сидят и не знают утрат
печальней, чем гибель Патрокла...
Густой многослойный закат
цехам размалёвывал стёкла.

Такой был простор и размах,
такая случалась фактура,
что юность — на птичьих правах —
чихала на бредни авгура:
о жутких размерах трубы
и в ней заседавших подростках;
о дальнем прицеле судьбы,
грядущих её отголосках.

*

Стоял, никому не мешал,
но вынесен был подчистую...
Кто мыслил: «кирпич и металл
исчезли, а я существую», —
тому и поставят на вид,
насколько Юпитер рассержен,
когда арматура торчит
наглядней, чем внутренний стержень.

Пейзаж назидательно строг.
За лишнее слово удавят.
Разруха подводит итог.
Быльём зарастает фундамент.
Плацдарм для обильного зла
и варварских скудных наречий.
Наверное, карта легла
не так, как положено лечь ей.

Не самый смертельный исход:
развалины, рвы, арматура —
летейских ландшафтов штрихкод,
суровая правда авгура.
Очки торопливо протру:
на фоне закатной полосы,
к трубе прислонившись, в буру
играют всё те же подростки...

Это шахтный ствол, это клеть дрожит.
Это я спускаюсь, разинув рот,
в горном деле тёмный, что антрацит, —
услыхать струенье подземных вод.

Нам — довольно Пруста среди зимы.
Нам бы — лишь боярышника кусты...
Но придём к шахтёрам — просить займы,
исчерпав лексические пласты.

Чтоб, когда им скажут: «Всему хана.
Трепыхаться дальше — какой резон?», —
коногонки луч натыкался на
запредельный угольный горизонт.

Это мой Вергилий, седой шахтёр,
сапогами чавкая, месит грязь,
воспевая лаву и транспортёр,
лишь мужскою рифмою обходясь.

Горнякам знаком ядовитый газ
и взрывная взвесь распирает грудь.
Я хотел бы с ними нащупать лаз,
ускользнуть отсюда — куда-нибудь.

И когда всё станет огнём гореть,
их чумазый ангел проявит прыть —
на поверхность где-то поднимут клеть:
...и цветёт боярышник, так и быть!

Шахтёрский город — поперёк пути кривого
из отможенных варяг в худые греки.
Как всё запущено, дружок, как всё хреново.
И дым отечества теперь — не слаще редьки.

Ещё не убраны поля, но одиноко, —
как если убраны уже. Скудеет личность.
Зато капустные ряды — само барокко.
Зато горняцкая среда — сама тактичность.

Я брёл по штрекам и сигал
с каких-то сходней, —
где люциферовым огнём грозит разруха,
сочится гибельный метан из преисподней
и мечет чёрную икру земное брюхо.

Я окончательно догнал: течёт недаром
конвейер угольный одним привычным руслом, —
когда в чистилище стоял, объятый паром,
и кафель брал меня в расчёт — с мерцанием тусклым.

И хохотали мужики в шахтёрской бане.
Им всё равно — что Элиот, что Эзра Паунд —
и не приходится слова искать в кармане.
А забухать — хоть в огород, хоть в андеграунд.

Нам станет всем не до бумаг и фотографий,
когда степные города сойдут на убыль.
...И неразборчивый портрет впечатан в кафель,
как древний папоротник был впечатан в уголь.

...В сущности, выбор один —
всё, что давно неповадно,
всё, что уже проходил,
пробовал неоднократно.
Жуткий вокзальный киоск,
ночь без собачьего лая...
Горловка и Краматорск,
трубы и адское пламя.
Будет — нигде никого,
с кем эту жуть разделит бы.
Нужный сигнал звуковой
вязнет у адского лимба.
Если сотрут в порошок,
в угольный прах преисподней, —
значит, уже хорошо,
что не страшней, чем сегодня.

Будет сюжет ключевой —
баня с хозяйственным мылом.
То есть вот так — ничего.
Повеселее, чем было.
То есть придется опять
в заахеронтские дали
в шлепанцах банных ступать
(типа античных сандалий).

Там закипает смола —
здесь намечается завязь.
Там ты — узнать не смогла б.
Здесь — вообще отказалась.
Будет примеркой душе
то, что я выкроил, выдрал,
всё, что случилось уже.
Ну а в дальнейшем — на выбор...

Этой местности злые складки
прирастают тобой, боец,
получая в сухом остатке —
дым за речкой Сухой Торец.

Вертолёт снуют над Летой,
обозначив её черты.
Мнемозина с гвардейской лентой.
Участившийся пульс тщеты.

Это песня о пуле-дуре
Это вечность поёт с листа.
Это витязь в тигровой шкуре
откликается с блокпоста.

Это Бог — не судья, а тренер,
Он вписался за наш район.
Позывные «Цыган» и «Север».
Обретённая связь времен.

В этой местности после боя
сломит ногу незванный чёрт.
Но пронзительно пахнет хвоя
и блаженствует Славкурорт.

Это сосны скрипят по-русски,
открывая такой обзор,
будто ангелы, сняв разгрузки,
отсыпаются у озёр.

Будто нет ни беды, ни бездны,
ни терзаний: «какой ценой».
Расточительный свет небесный.
Накопительный счёт земной.

Будешь засветло поднят.
Дуй с пакетом к Евтерпе.
Вместо «Родина помнит»,
скажет: «Горловка терпит».

Раздражённо кивает,
понимает превратно:
«Что поделать... Бывает.
Отправляйся обратно».

Кто-то ходит налево
через минное поле
за тональностью гнева,
за метафорой боли.

Не дождавшись отмашки,
не дослушав задание, —
огибая растяжки,
шла Юдифь на свиданье.

Кто чего ожидает
от лирической ткани, —
а вдова отжигает
в неприятельском стане.

Значит, дело к развязке:
будет месть планомерна
...и в кевларовой каске
голова Олоферна.

Господь приглаживает склоны
безоговорочной зимы.
Переезжают батальоны,
куда прикажет гетман тьмы.

Мелькают смутные селенья.
Трещат холопские чубы.
Ты пропадёшь из поля зренья
не в меру бдительной судьбы.

Суровый контур террикона.
Тревожный трепет камыша.
Из своего укрепрайона
уходит робкая душа.

Но Тот, Чьим замыслом пронизан
её маршрут, — без суеты,
спокойно смотрит в тепловизор
с господствующей высоты.